Казан

Автор:
Джеймс Оливер Кервуд

Казан

Джеймс Оливер Кервуд

Казан (с иллюстрациями) #1

Казан – дикая собака, в чьих жилах течёт ещё и кровь волка. Инстинкты разрывают его на части, заставляя мучительно выбирать между желанием служить людям и невероятной жаждой свободы, между ласковой рукой хозяйки и зовом Серой Волчицы, однажды избрав-шей его своим вожаком и повелителем. Претерпев множество лишений, столкнувшись с горем и жестокостью, Казан не утратит благородства и обретёт свой дом у Солнечной Скалы по велению самой природы, руководя-щей всеми живыми существами в мире. Иллюстрации Карины Соловьёвой созданы специально для данного издания.

Джеймс Оливер Кервуд

Казан

Серия «Книги Джеймса Кервуда»

© К. Р. Соловьёва, иллюстрации, 2018

© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2018

* * *

Глава I

Чудо

Казан лежал молча и неподвижно, положив серый нос между двух передних лап и полузакрыв глаза. Менее безжизненной не могла бы показаться даже скала: в нём не дрожал ни один мускул, не шевелился ни один волосок, он не мигал ни одним глазом. И всё-таки каждая капля дикой крови в его прекрасно сложённом теле волновалась так, как ещё ни разу в его жизни; каждый нерв, каждый фибр в его удивительных мускулах был натянут, как стальная проволока. На четверть – волк и на три четверти – ездовая собака, он уже четыре года прожил в самой дикой обстановке. Ему знакомы были муки голода. Он знал, что такое жестокий мороз. Он умел вслушиваться в жалобный вой ветров, дувших в долгие арктические ночи вдоль Барренса. Он слышал рёв потоков и водопадов, и его не раз засыпало снегом в величественной сумятице зимних бурь. Его шея и бока были все в шрамах от драк, и глаза у него были красны от яркого блеска снегов. Его назвали Казан, что значит Дикая Собака, потому что он представлял собою среди других собак гиганта и был так же бесстрашен, как и те люди, которые ехали на нём, побеждая опасности полярных стран.

Он никогда не знал страха, – но только до последней минуты. Он ни разу в жизни не ощущал в себе желания бежать от опасности, даже в тот ужасный день, когда ему пришлось сцепиться в лесу с громадной серой рысью и загрызть её. Он не знал, что могло бы его испугать, но отлично понимал теперь, что находился в каком-то другом мире, в котором было множество поводов для того, чтобы удивиться и испытать настоящий страх. Таково было его первое впечатление от цивилизации. Ему хотелось, чтобы его хозяин как можно скорее вернулся к нему обратно в эту странную комнату, в которой так надолго оставил его одного. Это была комната, обставленная какими-то неприятными предметами. Со стен смотрели на него странные лица, но они не двигались и не говорили, а уставились на него с таким видом, какого он ещё ни разу не замечал у людей. Он помнил, как однажды его хозяин лежал неподвижно на снегу,

закоченев от холода, а он сам в это время сидел на задних лапах, смотрел на него и жалобно выл от предчувствия летавшей вокруг них смерти; но эти люди на стенах смотрели как живые, а казались покойниками.

Вдруг Казан насторожил уши. До него донеслись шаги, а затем и отдалённые голоса. Один из голосов был его хозяина. А другой вдруг заставил его задрожать. Однажды, когда-то давным-давно, когда он был ещё щенком, так что это могло бы даже показаться сном, он слышал чей-то смех, каким обыкновенно смеются девушки, тот самый полный радостного счастья и какой-то удивительной ласковости смех, который заставил теперь Казана поднять голову, когда эти двое вошли. Он уставился на них, и его красные глаза вдруг вспыхнули. Он тотчас же понял, что эта девушка была дорога для его хозяина, потому что тот сразу же её крепко обнял. Когда вспыхнул огонь, то Казан увидел, что у неё были очень светлые волосы, здоровый, розовый цвет лица и ясные, голубые, точно васильки, глаза. Увидев его, она вдруг вскрикнула и бросилась к нему.

– Осторожнее! – крикнул мужчина. – Он опасен! Казан…

Но она была уже около собаки и опустилась перед ней на колени, такая пушистая, весёлая и красивая, глаза у неё сияли и руки уже готовы были обнять Казана. Отстранится ли от неё Казан? Бросится ли он на неё? Была ли она для него из тех людей, которые смотрели на него со стен, и вообще враг ли она для него? Не схватить ли ему её прямо за белое горло? И он увидел, что мужчина подскочил к нему, бледный как смерть. А затем девушка всё-таки коснулась Казана рукой, и он вдруг почувствовал, как от этого её прикосновения по каждому его нерву вдруг пробежала дрожь. Обеими руками она повернула его голову к себе. Она приблизилась к ней лицом, и он услышал, как чуть не со слезами она сказала:

– Так это ты, Казан, мой милый, дорогой Казан, мой герой, который притащил Торпа ко мне, когда все остальные поумирали! Мой Казан, мой герой!

И затем, чудо из чудес, она прижалась к нему лицом, и он почувствовал от этого прикосновения теплое, сладкое ощущение.

Всё это время Казан не шевелился. Он едва дышал. Прошло много времени, прежде чем девушка подняла лицо. И когда она это сделала, то её глаза

блестели от слёз, а над нею и Казаном стоял мужчина, стиснув зубы и держа руки наготове.

– Я никогда не думал, – сказал он в крайнем удивлении, – чтобы он позволил кому-нибудь прикоснуться к себе голыми руками. Отодвинься-ка назад, Изабелла. Но что это такое? Посмотри-ка!

Казан тихонько заскулил и уставился своими красными глазами девушке в лицо. Ему хотелось, чтобы она снова погладила его рукой; он желал лизнуть её прямо в лицо. Побьют ли его палкой, казалось, думал он, если он осмелится на это? Теперь уж он вполне безопасен для неё. Он может броситься за неё на кого угодно. И он пополз к ней на животе, дюйм за дюймом, не спуская с неё глаз. Он слышал, как мужчина воскликнул: «Но что это? Посмотри-ка!» – и весь задрожал. Но никто не ударил его, чтобы он отскочил назад. Он коснулся пастью её лёгкого платья, и она, нисколько не отстранившись от него, посмотрела на него влажными глазами, блестевшими, как звёзды.

– Смотри! – прошептала она. – Смотри!

На полдюйма, на дюйм, на два дюйма ближе – и он всем своим большим серым телом подполз к ней вплотную. Теперь уж его морда медленно стала искать её ног, её коленей, и, наконец, коснулась её тёплой маленькой руки, лежавшей на коленке. Его глаза всё ещё были устремлены на неё: он видел казавшееся ему странным трепетанье в её белом открытом горле, и как затем задрожали у неё губы, и с удивлением посмотрел на мужчину. Он тоже, в свою очередь, опустился на колени около них и одной рукой обнял девушку за талию, а другой стал гладить собаку по голове. Казан не любил его прикосновения. Он не доверял ему, так как природа научила его относиться с недоверием к прикосновению рук всех мужчин вообще; но он терпел это теперь потому, что замечал, что это нравилось девушке.

– Казан, старый приятель, – обратился к нему ласково хозяин, – ведь ты не будешь трогать её, не правда ли? Мы оба будем любить её! Хорошо? Она теперь наша; ты понимаешь, Казан, она теперь вся целиком наша с тобой! Она теперь твоя и моя, и мы положим за неё всю нашу жизнь; и если нам с тобой когда-нибудь придётся защищать её, то мы будем драться, как дьяволы. Не правда ли? Как ты думаешь, Казан?

И ещё долгое время, когда они уже отошли от собаки и оставили её лежать по-прежнему на разостланной шкуре одну, Казан не сводил глаз с девушки. Он прислушивался и наблюдал, и с каждой минутой ему всё больше и больше хотелось подползти к ним обоим и лизнуть девушку в руку, в платье или в ногу. Немного спустя его хозяин сказал что-то девушке, и она со смехом подбежала к чему-то большому, четырёхугольному и блестящему, стоящему поперёк угла и вдруг оскалившему такой длинный ряд белых и чёрных зубов, что с ним не смог бы сравниться по длине даже и весь Казан. Он удивился на эти зубы. Девушка коснулась их своими пальцами, и всё завывание ветров, которое он когда-либо слышал, вся музыка водопадов и речных быстрин, все песни птиц весенней порой сразу же побледнели для него при тех звуках, которые полились из-под этих зубов. Это была его первая музыка. В первую минуту она заставила его вздрогнуть и даже испугала его, а затем он почувствовал, что это был вовсе не страх, а какой-то странный зуд, вдруг пробежавший по всему его телу. Ему вдруг захотелось сесть на задние лапы и завыть, как он обыкновенно выл на миллионы звёзд, рассеянных по небу в холодные зимние ночи. Но что-то удержало его от этого. Удержала именно девушка. Он стал медленно подползать к ней на животе, но, почувствовав на себе взгляд мужчины, остановился. А потом опять пополз, но только чуть заметно, по одному дюйму в редкие промежутки времени, вытянув далеко вперёд шею и положив морду прямо на пол. Он был уже на самой середине комнаты, как раз на полпути к девушке, как вдруг эти удивительные звуки стали замирать и зазвучали низко-низко.

– Продолжай! – быстро заговорил мужчина. – Продолжай ещё! Не останавливайся!

Девушка обернулась, посмотрела, как собака ползла на животе по полу, и стала играть ещё. И мужчина всё ещё смотрел на Казана, но его взгляд уже не мог отогнать его назад. Казан придвигался всё ближе и ближе, пока, наконец, его вытянутая морда не коснулась её платья, в складках лежавшего на полу. А затем он весь задрожал, потому что она стала петь. Он слышал и раньше, как мурлыкали перед своими вигвамами индейские женщины, слышал дикий рёв индейцев, распевавших свою обычную песню про оленя, но чтобы такая удивительная приятность могла вдруг слетать с губ девушки, он не мог себе даже и представить. Теперь уж он совсем забыл о присутствии своего хозяина. Спокойно, исподтишка, так, чтобы она не заметила, он поднял голову. Но она всё-таки посмотрела на него; в её глазах для него было что-то такое, что внушало ему доверие, и он положил ей голову прямо на колени. А потом и сама девушка коснулась его рукой, и с глубоким, продолжительным вздохом он

зажмурил глаза. Музыка закончилась. Над ним раздался лёгкий, трепетавший звук, – не то смех, не то рыдание. Он услышал затем кашель своего хозяина.

– Я всегда любил этого пса, – сказал хозяин, – но никак не мог ожидать от него ничего подобного.

И его голос показался Казану тоже дрожащим.

Глава II

На Север!

Для Казана потянулись удивительные дни. Он позабыл о лесах и глубоких снегах. Он позабыл о своих ежедневных драках со своими товарищами по упряжи, об их лае позади него, о длинных поездках по обширным просторам Барренса по бездорожью. Он позабыл о понуканьях погонщиков, о предательском свисте двадцатифутовой плети из оленьей кожи и о взвизгиваниях, говоривших ему о том напряжении, с которым позади него, вытянувшись в одну линию, следовали ещё и другие собаки. Но что-то другое заняло место всего того, что он теперь потерял. Оно находилось в комнате, в воздухе, вокруг него самого, даже и тогда, когда девушка и его хозяин вовсе не находились поблизости. Где бы она ни была, он всюду испытывал это странное чувство, что совершенно не давало ему чувствовать себя одиноким. Это был запах девушки, и иногда именно этот самый запах заставлял его тихонько скулить по ночам, когда ему следовало бы вместо этого просто выть на звёзды. Он не был одинок, потому что как-то ночью во время своих скитаний по квартире он вдруг набрёл на какую-то дверь, и когда девушка утром отворила эту дверь, то нашла его свернувшимся калачом и тесно к ней прижавшимся. Она наклонилась над ним и приласкала его, причём её густые волосы волнами упали на него и обдали его своим запахом; после этого она уже сама постлала около своей двери мех, чтобы он спал здесь всегда. И в течение всех долгих ночей он знал, что она находилась по ту сторону двери, и был доволен. С каждым днём он всё менее и менее думал о тех диких местах, которые оставил, и всё больше и больше думал о ней.

А затем наступила перемена. Как-то странно вдруг все вокруг него засуетились, заспешили, и девушка перестала обращать на него внимание. Он забеспокоился. Он обонял эту перемену в самом воздухе и стал следить за выражением лица своего хозяина. А потом, как-то однажды утром, очень рано, на него надели ошейник и опять привязали к нему железную цепь. И он стал наконец понимать всё только тогда, когда хозяин потащил его за собой и вывел через дверь на улицу. Итак, значит, его уводят куда-то прочь. Он вдруг подался всем телом назад и отказался повиноваться.

– Пойдём, Казан, – стал ласково уговаривать его хозяин. – Иди, мой милый!

Казан потянул назад и оскалил белые зубы. Он ожидал визга плети или удара дубиной по телу, но не последовало ни того, ни другого. Хозяин засмеялся и ввёл его обратно в дом. И когда они вновь вышли из него, то на этот раз с ними была уже и девушка и шла рядом с ним, держась за его голову. Только благодаря ей он прополз в тёмный багажный вагон через приоткрытую дверь, которая только одна и давала свет в мрачном углу, куда привязал его хозяин. Затем оба они вышли, смеясь, как дети. Целые часы после этого Казан пролежал тихо и весь в напряжении, прислушиваясь к монотонному стуку колёс как раз под собой. Несколько раз эти колёса переставали вертеться, и тогда он слышал долетавшие до него извне голоса. Под конец ему показалось, что он услышал знакомый голос, и он тотчас же вскочил, натянул цепь и заскулил. Запертая дверь отодвинулась вбок. Вошёл человек с фонарём, а за ним следовал хозяин. Казан не обратил на них ровно никакого внимания, но стал всматриваться сквозь дверь в ночную темноту. Он чуть не разорвал ошейник, когда выскочил на белый снег, но, не найдя там той, кого искал, он остановился как вкопанный, и стал втягивать в себя воздух. Над ним сверкали звёзды, на которые он выл всю свою жизнь, а вокруг него возвышались леса, чёрные и молчаливые, окружавшие всю станцию, как стеной. Тщетно он искал того запаха, которого теперь для него не хватало, и Торп услышал низкую ноту горя, вдруг вылетевшую из его лохматого горла. Он поднял фонарь над головой, замахал им в воздухе, приспустив при этом цепь от ошейника Казана. На этот сигнал из ночного мрака вдруг отозвался женский голос. Он раздался откуда-то издалека, и Казан сразу так рванулся вперёд, что цепь выскочила из руки мужчины. Он увидел перед собой мерцание и других фонарей. И вслед за тем ещё раз послышался всё тот же голос:

– Казан!.. Сюда!..

Он помчался на него, как стрела. Торп засмеялся и побежал следом за ним.

– Ах ты, разбойник!.. – ворчал он.

Возвратившись от багажного вагона обратно к освещённому пространству, Торп увидел, что Казан уже лежал калачом у самых ног женщины. Теперь она была уже женой Торпа. Когда он появился из мрака, она торжествующе посмотрела на него.

– Ты выиграла! – засмеялся он не без удовольствия. – Я мог бы поставить свой последний доллар за то, что он ни за что на свете не узнал бы твоего голоса среди массы других голосов. Но ты всё-таки выиграла. Казан, дурак ты этакий, ведь я тебя проиграл!

Лицо его вдруг омрачилось, когда Изабелла нагнулась, чтобы взяться за конец цепи.

– Теперь он твой, Иза, – быстро добавил он, – но ты уж предоставь его мне, пока мы не узнаем его в точности. Дай мне цепь. Я всё ещё не доверяю ему. Ведь он всё-таки волк. Я сам был свидетелем, как он в один момент откусил руку у индейца. Я сам лично видел, как он в один приём перегрыз горло другой собаке. Ведь он – выродок, не чистая собака, несмотря на то, что вцепился в меня, как герой, и вынес меня живого. Я, однако, ещё не могу положиться на него. Дай сюда цепь…

Не успел он ещё и договорить, как послышалось рычание, как у дикого зверя, и Казан вскочил на ноги. Губы у него приподнялись и оскалили длинные клыки. Спина ощетинилась, и с внезапным криком предостережения Торп схватился за висевший у него сбоку револьвер.

Но Казан не обратил на него внимания. Другая фигура вдруг вышла из ночного мрака и стала тут же, в освещённом фонарями пространстве. Это был Мак-Криди, проводник Торпа и его жены на обратном пути их к Красной реке, куда Торп возвращался на службу. Этот человек был строен, могуч и гладко выбрит. Его подбородок был почти совсем четырёхугольный, что придавало ему животное выражение. И когда он поглядывал на Изабеллу, то в глазах у него зажигался такой огонёк, что Казан приходил прямо в исступление.

Её белый с красным вязаный колпачок съехал у неё с головы и свешивался к самому плечу. Неверный отблеск от фонарей отражался тёплым золотистым светом у неё на волосах. Её щёки пылали румянцем, и когда она вдруг увидела его, то в её голубых, как васильки, глазах вдруг засверкали алмазы. Мак-Криди кивнул ей головой, и в ту же минуту её рука опустилась на голову Казану. В первый момент собака не почувствовала на себе её прикосновения. Она всё ещё ворчала на Мак-Криди, и её угрожающее рычание стало ещё слышнее вырываться у неё из груди. Жена Торпа потянула за цепь.

– Замолчи, Казан, довольно! – скомандовала она.

При звуке её голоса он успокоился.

– Ляг! – приказала она и снова положила ему на голову свободную руку.

Он повалился к её ногам. Но его губы всё ещё оставались приподнятыми. Торп всё время наблюдал за ним. Он изумился тому смертоносному яду, которым светились волчьи глаза Казана, и затем перевёл свой взгляд на Мак-Криди. Рослый проводник в это время развернул кольца своей длинной плети. Странное выражение вдруг появилось у него на лице. Он уставился на Казана. Затем он вдруг перегнулся вперёд, упёршись обеими руками в коленки, и, казалось, на один или два момента забыл вовсе о том, что Изабелла Торп смотрела на него изумлёнными голубыми глазами.

– Вперёд, Педро, – лови! – воскликнул он.

Одно это слово «лови» было известно всем собакам, состоявшим на службе при Северо-Западной Горной полицейской охране. Казан не шевельнулся. Мак-Криди выпрямился, с быстротою молнии развернул свою длинную плеть и щёлкнул ею в воздухе так, точно раздался выстрел из револьвера.

– Лови, Педро, лови!

Клокотанье в горле у Казана превратилось в злобное рычанье, но ни один мускул на нём не дрогнул. Мак-Криди обратился к Торпу:

– Могу поклясться, что я знаю эту собаку, – сказал он. – Если это Педро, то берегитесь его!

Торп держался за цепь. Только одна молодая женщина заметила тот взгляд, который на минуту вспыхнул в глазах у Мак-Криди. Она вздрогнула от него. Ведь всего только несколько минут тому назад, когда поезд только что остановился у этой станции, она сама же предложила этому человеку руку, и он точно так же посмотрел на неё и тогда. Но даже и в эту минуту, когда она почувствовала себя так неловко, ей пришло на ум всё то, что рассказывал ей муж об этих жителях дремучих лесов. Она научилась любить их, удивляться их силе, непоколебимому мужеству и благородству их души ещё раньше, чем попала наконец сюда сама, в их среду; и, поборов в себе эту боязнь и это охватившее её неприятное чувство, она постаралась улыбнуться Мак-Криди.

– Вы не понравились ему, – с ласковой улыбкой заметила она. – Отчего бы вам сразу же не сделаться друзьями!

И она потянула к нему Казана, тогда как Торп всё ещё держался за конец цепи. Мак-Криди стал рядом с ней, когда она склонилась над собакой. Он тоже наклонился над ней, держась спиной к Торпу, и головы его и Изабеллы сошлись вместе всего только на какой-нибудь фут расстояния. Он мог видеть в темноте румянец на её щеках и выражение её губ, когда она старалась успокоить ворчавшего Казана. Торп держался в это время настороже, готовый каждую минуту потянуть за цепь, но в это время Мак-Криди находился между ним и его женой, и Торп не мог видеть выражения его лица. Но Мак-Криди смотрел вовсе не на Казана. Он пожирал глазами Изабеллу.

– А вы храбрая! – сказал он. – Я бы не решился на это. Он тотчас же сбросил бы с себя мою руку!

Он взял от Торпа фонарь и направился по узенькой тропинке, ведущей куда-то в глубину от железнодорожной платформы. Там, за опушкой из молодого ельника, находился лагерь, который ещё две недели тому назад оставил для себя Торп. Он состоял из двух палаток, в которых ночевали тогда он сам и его проводник. Перед ними теперь был разложен большой костёр. Около огня стояли длинные сани, и Казан увидел неясные тени и сверкавшие в темноте глаза своих товарищей по упряжи – собак, которые были привязаны к деревьям. Он стоял недвижимо, точно окаменелый, когда и его тоже Торп стал привязывать к саням. Значит, он опять возвратился к своим лесам и теперь снова должен приняться за

дело! Его хозяйка в это время смеялась и хлопала в ладоши от удовольствия и от возбуждения при мысли о странной и удивительной жизни, которая должна была теперь открыться для неё впереди. Торп откинул в сторону полу палатки, и она вошла в неё первая, а за нею последовал и он. Она не обернулась. Она не сказала Казану ни одного слова. Он заскулил и красными глазами стал смотреть на Мак-Криди.

В палатке Торп сказал:

– Мне жаль, Иза, что не старый Джекпайн будет сопровождать нас далее. Он ехал со мною сюда, но ни деньгами, ни лаской я не мог уломать его возвратиться со мной обратно. Я бы отказался от своего месячного жалования, чтобы только ты посмотрела, как этот индеец умеет управляться с собаками! А в этого Мак-Криди я что-то не верю. Он опытен и, как уверял меня агент Компании, знает все леса как свои пять пальцев. Но собаки не любят чужого проводника. Казан не ставит его ни в грош!

Казан услышал голос молодой женщины и насторожился, стараясь в него вслушаться. Он не видел и не услышал, как сзади к нему подкрался Мак-Криди. Точно выстрел, внезапно раздался позади Казана его голос:

– Педро!

В один момент Казан съёжился, точно его стегнули плетью.

– Наконец-то я добрался до тебя, старый чёрт! – прошипел Мак-Криди, и лицо его сразу как-то странно побледнело при свете костра. – Дали тебе другое имя, да? Но я всё-таки тебя узнал, не правда ли?!

Глава III

Мак-Криди расплачивается

После этих слов Мак-Криди ещё долго сидел молча у костра. Только раз или два за всё время он отвёл глаза от Казана. А затем, убедившись, что Торп и Изабелла

уже улеглись совсем, он отправился к себе в палатку и вернулся из неё с бутылкой водки. Он отпивал из неё раз за разом в течение целых получаса. Потом он отошёл в сторону и сел на край саней, у самой цепи, к которой был привязан Казан.

– Я таки добрался до тебя! – повторял он по мере того, как хмель бросался ему в голову. – Интересно знать, Педро, кто дал тебе другое имя? И как ты попал именно к нему! Хо-хо, если бы ты только умел говорить…

Они услышали голос Торпа, заговорившего внутри палатки. За ним последовал сдерживаемый весёлый девичий смех, и Мак-Криди насторожился. Его лицо сразу покраснело, и он поднялся на ноги, сунув бутылку к себе в карман пиджака. Побродив вокруг огня, он тихонько, на цыпочках, вошёл в тень, отбрасываемую деревом, стоявшим как раз возле самой палатки, и стал вслушиваться. Глаза его горели дикой страстью, когда он возвратился обратно к саням и к Казану. Была уже полночь, когда он вошёл к себе в палатку.

В тепле от костра глаза у Казана стали смыкаться. Он задремал беспокойным сном, и в мозгу у него стали проноситься сбивчивые картины. Вот он дерётся, и челюсти его при этом крепко сжимаются, а вот он натягивает свою цепь, и Мак-Криди и его госпожа уже готовы достать до него руками. Он чувствует вновь лёгкое прикосновение к себе руки молодой женщины и слышит её удивительно сладкий для него голос, когда она поёт для него и для его хозяина, и всё его тело дрожит и волнуется от знакомого трепета. А затем картина вдруг меняется. Он бежит во главе великолепной запряжки в шесть собак, принадлежащей Королевской Северо-Западной Горной полиции, – и его хозяин называет его кличкой Педро! Сцена меняется. Вот они уже на привале. Его хозяин молод и без бороды. Он стаскивает с саней другого человека, у которого руки закованы спереди в какие-то странные чёрные железные кольца. Немного позже он, пёс, лежит уже перед большим костром. Его хозяин сидит против него, спиной к палатке, и смотрит на него. Вот из палатки выходит человек с железными кольцами на руках, только теперь его руки уже свободны, вовсе без колец, и в одной из них он держит тяжёлую дубину. Пёс слышит ужасный удар дубиной прямо по голове его хозяина – и этот звук пробуждает его от беспокойной дремоты.

Пёс вскакивает на ноги, спина его ощетинилась, рычание заклокотало у него в горле. Огонь в костре уже погас, и весь лагерь погрузился в ещё больший мрак, как это всегда бывает перед рассветом. Сквозь этот мрак Казан видит Мак-

Криди. Он уже подкрался к палатке его хозяйки, и собака узнаёт в нём того самого человека, который когда-то был закован в ручные железные кандалы, и что это тот самый человек, который бил его затем плетью и дубиной долгие дни, последовавшие за убийством его хозяина. Мак-Криди услышал угрозу в его рычании и быстро отскочил обратно к костру. Насвистывая, он стал складывать вместе полуобгорелые поленья, и когда огонь вспыхнул снова, то он крикнул, чтобы разбудить Торпа и Изабеллу. Через две-три минуты, отдёрнув полу палатки, показался Торп, за ним следовала его жена. Её распущенные волосы золотыми кольцами падали ей на плечи. Она села на сани около Казана и стала их расчёсывать. Мак-Криди подошёл к ней сзади и стал рыться в свёртках, лежавших на санях. Как бы случайно одна из его рук зарылась на минуту в её богатые локоны, спускавшиеся по спине. Она не почувствовала ласки от прикосновения его пальцев, а сам Торп сидел к нему задом. Только один Казан заметил это воровское движение руки Мак-Криди, любовное перебирание пальцами её волос и безумную страсть, вдруг вспыхнувшую в глазах у этого человека. Быстрее, чем рысь, собака рванулась на всю длину своей цепи прямо к саням. Мак-Криди успел вовремя отскочить назад, и как только Казан дотянул цепь до конца, его отбросило назад с такой силой, что всем своим телом он по инерции шарахнулся на молодую женщину. Торп тотчас же схватился за цепь. Ему показалось, что Казан бросился на Изабеллу, и в ужасе, даже не вскрикнув и не произнеся ни одного слова, он поднял её с того места, куда она свалилась с саней. Он увидел, что она не пострадала, и хватился своего револьвера. Но револьвер остался в кобуре в палатке. Как раз под ногами у Торпа валялась плеть Мак-Криди, и в минутной вспышке гнева он схватил её и бросился на Казана. Собака завертелась на снегу. Она не сделала ровно никакого движения, чтобы убежать или напасть со своей стороны. Казан вспомнил, что только однажды в жизни он испытал точно такой же ужасный удар, каким наградил его сейчас Торп. Но и тогда он не издал ни визга, ни ворчания.

А затем вдруг неожиданно его госпожа подскочила к Торпу и вырвала у него из руки плеть, уже во второй раз завизжавшую в воздухе над головой собаки.

– Не смей больше бить! – крикнула она, и что-то в её голосе, действительно, удержало его от удара.

Мак-Криди не слышал, что она тогда же сказала, но Торп вдруг как-то странно посмотрел на него и, не сказав ни слова, последовал за своей женой в палатку.

– Казан бросился вовсе не на меня, – зашептала она ему в крайнем возбуждении. – Её лицо смертельно побледнело. – Этот человек был сзади меня, – продолжала она, хватая мужа за руки. – Он стал трогать меня, и Казан бросился на него в мою защиту. Он вовсе не хотел кусать меня. Он бросился именно на него. Нехорошо, нехорошо!..

Она чуть не рыдала, и Торп притянул её поближе к себе.

– Я и не воображал этого, – ответил он. – Но как всё это странно! Ты помнишь, как Мак-Криди сказал, что эта собака ему уже знакома? Может быть, Казан раньше принадлежал ему и до сих пор не может простить ему нанесённых обид. Завтра я всё это выясню. Но пока я всего не разузнаю, обещаешь ли ты мне, что будешь держаться от Казана в стороне?

Изабелла обещала. Когда они снова вышли из палатки, то Казан поднял свою большую голову. Удар плети пришёлся ему как раз по глазу, и изо рта сочилась кровь. Изабелла вздохнула, но не подошла к нему. Полуслепой, он знал, что именно она, его госпожа, приостановила его наказание, тихо заскулил и стал стучать своим сильным хвостом по снегу.

Никогда ещё он не чувствовал себя таким жалким, как в последовавшие затем долгие, мучительные часы дня, когда он побежал во главе упряжки на север. Один глаз его закрылся совсем и пылал, как в огне, и на теле ощущалась боль от последовавших затем ударов плетью из оленьей кожи. Но его угнетали не физические мучения, от которых так тупо чувствовала себя голова и так ныло всё тело от необходимости бежать как можно скорее – такова уж доля передовой собаки. Он страдал духом. В первый раз в жизни его сломили. Мак-Криди бил его, но когда-то давно; хозяин тоже сегодня побил его; и в течение всего этого дня их голоса звучали в его ушах как-то строго и мстительно. Но больше всего его обидела его госпожа. Она отдалилась от него и стала держаться настороже; а когда они останавливались для отдыха и располагались снова лагерем, то она смотрела на него странными, удивлёнными глазами и не заговаривала с ним. Значит, и она тоже будет его бить. Он верил в это и уже сам стал сторониться и растягивался на животе прямо на снегу. Для него разбитый дух значил то же, что и разбитое сердце. В эту ночь он скорбел один. И никто не знал, что он действительно скорбел, – даже сама молодая женщина. Она не приближалась к нему. Она не заговаривала с ним. Но она зорко следила за ним и изучала каждое его движение всякий раз, как он поглядывал на Мак-Криди.

Позже, когда Торп и его жена отправились на ночь к себе в палатку, стал идти снег, и действие, которое этот снег производил на Мак-Криди, удивило Казана. Мак-Криди как-то забеспокоился, стал часто отпивать из фляжки, из которой пил и вчера. При свете костра лицо его становилось всё краснее и краснее, и теперь Казан мог уже ясно видеть, как странно стали сверкать его зубы всякий раз, как он поглядывал на палатку, в которой спала Изабелла. Всё чаще и чаще Мак-Криди стал подходить к ней и прислушиваться. Два раза он услышал, как там внутри задвигались. В самую последнюю минуту раздался храп Торпа. Мак-Криди поспешил обратно к костру и поднял голову к небу. Снег всё ещё шёл густой массой, и когда он опустил голову, то всё его лицо было белое и не было видно от снега глаз. Затем он отошёл в темноту и стал вглядываться в след, который они оставили на снегу только несколько часов тому назад. Он почти весь целиком был занесён снегом. Ещё час – и от следа не останется и помину, и никто из тех людей, которые завтра поедут этой же дорогой, и не догадается, что они здесь ночевали. К утру будет завалено снегом уже всё – даже костёр, если он догадается потушить его заранее. Мак-Криди тут же, в темноте, отпил из фляжки ещё раз. Слова дикой радости вдруг слетели у него с уст. Голова его разгорячилась от алкоголя. Сердце бешено билось, но всё-таки не так сильно, как у Казана, когда пёс вдруг увидел, как Мак-Криди возвращался обратно уже с дубиной в руке! Дубину он приставил к дереву. Затем взял с саней фонарь и зажёг его. Держа в руке фонарь, он приблизился к палатке Торпа.

– Эй, Торп! – воскликнул он. – Торп!..

Ответа не последовало. Он слышал, как Торп глубоко дышал. Приподняв полу у палатки, Мак-Криди крикнул громче:

– Торп!

И всё-таки внутри не последовало никакого движения. Тогда он развязал верёвочки и в образовавшееся отверстие просунул фонарь. Свет отразился на золотых волосах Изабеллы, прижавшейся к плечу мужа, и Мак-Криди смотрел на неё, и глаза у него горели, как уголья, пока наконец не пробудился Торп. Тотчас же он схватился за угол от полы палатки и захлопал им в воздухе снаружи.

– Эй, Торп! – снова закричал он. – Проснитесь!

Тогда Торп ответил:

– Это вы, Мак-Криди? В чём дело?

Мак-Криди опустил край палатки и тихо заговорил:

– Да, это я. Не можете ли вы выйти ко мне на минуту? Кто-то ходит в лесу. Только не будите вашу жену!

Он отошёл назад и стал ожидать. Через минуту Торп быстрыми шагами вышел из палатки. Мак-Криди указал ему на густой ельник.

– Клянусь вам, что вокруг нашего лагеря кто-то ходит, – сказал он. – Несколько минут тому назад, когда я ходил за дровами, я видел какого-то человека. Уверяю вас. Время самое подходящее, чтобы украсть у нас собак. Вот смотрите! Светите сюда! Если я не сплошной дурак, то мы увидим сейчас на снегу следы.

Он передал Торпу фонарь и взял с собою тяжёлую дубину. Казан заворчал, но тотчас же и смолк. Он хотел было продолжать ворчать и далее, чтобы предостеречь Торпа и броситься к нему, насколько позволяла его цепь, но понял, что когда они возвратятся, то будут его бить. Поэтому он продолжал лежать спокойно, дрожа всем телом, и только потихоньку скулил. Он следил за ними, пока они не скрылись из виду совсем, а затем стал ожидать и прислушиваться. Наконец он услышал хрустение снега под ногами. Он не удивился тому, что это Мак-Криди возвращался один. Он и ожидал, что он возвратится один. Ибо он знал, что должна была означать его дубина!

Лицо Мак-Криди было теперь ужасно. Точно у зверя. Он шёл без шапки. Он засмеялся низким, ужасным смехом, и Казан спрятался ещё глубже в тень, так как в руках у него всё ещё была дубина. Затем он бросил её и подошёл к палатке. Отдёрнув занавеску, он заглянул в неё. Жена Торпа всё ещё спала; тихонько, как кошка, он вошёл в палатку и повесил фонарь на гвоздь, вбитый в среднюю подпорку. Его движения не разбудили её, и он простоял около неё несколько времени и всё смотрел на неё и смотрел.

А на дворе, забившись в глубокую тень, Казан старался объяснить себе значение всех этих странных происшествий. Зачем его хозяин и Мак-Криди уходили в лес? Почему его хозяин не возвратился? Ведь эта палатка принадлежала его хозяину, а не Мак-Криди! Почему же туда вошёл именно Мак-Криди? Он не спускал с палатки глаз с тех пор, как Мак-Криди туда вошёл, и вдруг вскочил на ноги,

ощетинил затылок и напряг все члены. Он увидел на полотне громадную тень Мак-Криди и вслед за тем услышал странный, пронзительный крик. В диком ужасе, который слышался в этом крике, Казан узнал именно её голос и рванулся к палатке. Цепь остановила его и так сдавила ему ошейником горло, что он чуть не задохнулся. Затем он увидел по теням, что там уже происходила борьба, и наконец послышались её крики. Она звала его хозяина и вместе с тем кричала и ему:

– Казан, Казан!

Он бросился к ней опять, но снова был отброшен цепью назад. Во второй и в третий раз он рванулся на всю длину своей привязи, и ошейник врезался ему в шею, как острый нож. Он остановился на секунду и перевёл дыхание. Тени всё ещё боролись. Теперь уже оба они были на ногах. Вот уже они крепко между собою сцепились! С диким рычаньем Казан ещё раз рванул цепь всей тяжестью своего тела. Раздался треск, замок в цепи лопнул, и цепь дала ему свободу.

В пять-шесть прыжков Казан был уже около палатки и вскочил в неё. Заворчав, он схватил Мак-Криди прямо за горло. Первая же хватка его могучих челюстей была уже смертельна, но он этого не знал. Он знал только одно, что его госпожа была здесь и что он должен был её защищать. Последовал сдавленный, прерывистый крик, который закончился затем тяжким вздохом; его издал Мак-Криди. Человек опустился на колени, затем повалился на спину, и Казан ещё глубже запустил свои клыки в горло своему врагу; он почуял запах тёплой крови.

Теперь уж на собаку кричала и сама её госпожа. Она оттаскивала Казана назад за его лохматую шею. Но Казан не разжимал челюстей ещё долгое время. И когда наконец он их разжал, то его хозяйка посмотрела на мужчину и закрыла себе лицо руками. Затем упала на постель. Долго не двигалась. Руки и лицо у неё были холодны, и Казан ласково их облизывал. Глаза у неё оставались закрытыми. Он близко прижался к ней и всё ещё продолжал оскаливать зубы на покойника. Но почему же она не двигалась? – удивлялся он.

Прошло долгое время, прежде чем она шевельнулась. Глаза у неё открылись. Её рука коснулась его.

А затем он услышал раздавшиеся снаружи шаги.

Это был его хозяин, и со старой дрожью от страха перед дубиной Казан бросился к выходу из палатки. Да, это был его хозяин, костёр осветил его, и в его руке Казан увидел дубину. Он шёл медленно, чуть не падал на каждом шагу, и всё лицо у него было в крови. Но всё-таки в руке у него была дубина! Он опять начнёт колотить ею собаку и сильно изобьёт её за то, что она покончила с Мак-Криди; и Казан тихонько прополз под полою палатки и убежал в тень. Из своей засады под ветвями ели он смотрел на палатку, и низкий вой любви и в то же время и горя вырвался вдруг из его горла и быстро замер. Теперь уж они будут его бить всегда и именно за это. Даже она будет его бить. Они будут гнать его от себя и отколотят его тотчас же, как только его найдут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kervud_dzheyms-oliver/kazan

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить